

М.Ф. Альбедиль

ПОЭЗИЯ БХАКТИ В ИНДУИЗМЕ: ЭТНОРЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Концептуальный термин *бхакти* (букв. «участие», «сопричастность») — один из ключевых в индуизме и в традиционной индийской культуре. Санскритский по происхождению, он вошел во все новоиндийские языки с несколькими значениями. Во-первых, бхакти означает беззаветную и всепоглощающую любовь и преданность адепта к почитаемому божеству; полное самовверение себя своему господу. В этом смысле бхакти считается в индуизме одним из путей богопознания и как таковой противопоставляется другим путям: неукоснительному соблюдению своих обязанностей, практической деятельности (путь кармы); углубленному погружению в спекулятивное, интеллектуальное знание (путь джняны) и совершенствованию психофизических способностей организма (путь йоги). Теоретически любой индус может избрать наиболее подходящий для себя вариант.

Специфика бхакти как способа богопочитания подразумевает поклонение единственному богу, включающее мистический опыт; памятование о нем; рецитирование его имени; постоянное размышление о нем; визуализацию его образа; обсуждение его природы и его тайн с другими бхактами. Подобная непрерывная сосредоточенность на любимом божестве должна стать мощным фактором духовного преобразования, суля не столько жизненное благополучие, сколько освобождение от уз бесконечного круга перерождений (сансары), провозглашаемое в индийских религиях высшей целью человеческой жизни.

Во втором значении термином бхакти называют мощное, влиятельное и во многом противоречивое движение, окрасившее весь средневековый, а отчасти и следующий за ним период с VI-VII по XVII вв. Обычно бхакти в этом значении ассоциируются прежде всего с идеологией социального протеста торговцев и ремесленников, набравших силу в растущих средневековых городах. Эта идеология была действительно важной, но не единственной составляющей всего сложного и многогранного комплекса, каким является бхакти как феномен индийской культуры. Так, движение бхакти предполагало и целый ряд концептуальных положений, в том числе религиозных. Главными среди них были отказ от посреднических услуг брахманов и от чрезмерно усложненного брахманского ритуала; использование не санскрита, языка официального культа, а разговорных

языков как средства общения с богом; признание равенства (в религиозном, но не в социальном смысле) всех каст и полов. Основными объектами преданного почитания и в то же время центральными богами индуизма стали Вишну и Шива. Строго говоря, бхакти было не единым движением, а целым комплексом течений, имевших разную этническую и социальную направленность.

С движением бхакти был сопряжен огромный корпус поэтических текстов как на южных, дравидских, так и на северных, индоевропейских языках, принадлежащих большому числу авторов и охватывающих весь средневековый период. Поэзия бхакти представляет собой чрезвычайно интересную эмпирическую базу, с которой связано еще много нерешенных, в том числе и этнорелигиоведческих проблем. Наиболее репрезентативным материалом для их постановки и разрешения, на которое мы в данном сообщении не претендуем, является дравидоязычная или — уже — тамильская поэзия.

Она возникла раньше других в дравидоязычном ареале, обнаруживая типологическое сходство как с южной, так и с северной традицией бхакти. В российской индологии ее ввел в научный оборот А.М. Пятигорский, но, насколько можно судить, она до сих пор не стала объектом пристального внимания религиоведов [Пятигорский 1962]. Тамильская средневековая поэзия бхакти представлена двумя основными линиями — вишнуитским и шиваитским. Гимны бхактов-вишнуитов, среди которых выделяются произведения двенадцати поэтов-альваров (там. «углубленный»), собраны в корпус, называемый «Четыре тысячи божественных стихотворений». Их авторы считались воплощениями Вишну, а сами гимны почитались как вишнуитские гимны юга [Purnalingam Pillai 1904]. К шиваитской линии бхакти относятся двенадцать «Священных сборников», оформленных в единый свод в XI в. Авторство гимнов этих сборников приписывается 63 бхактам-*найянарам* (санскр. «вождь, «глава») [Zvebil 1977: 255-257].

Вишнуитская традиция бхакти позже зародилась и раньше завершила линию своего живого развития, чем шиваитская. Она существовала с VII по XI вв., а позже фактически переросла в вишнуитский теизм, официальным языком которого стал санскрит. На ее основе в XI в. сформировалась религиозная философия Рамануджи [Pantarattar 1955]. Что же касается шиваитской поэтической традиции, то ее зарождение обычно относят к VI–VII вв. Она была систематизирована в XI в. и тогда же письменно зафиксирована. Позже эта традиция была продолжена — уже за пределами средневековья — в поэзии Арунагири в XV в., Таюманвара (1705-1742) и, наконец, Рамалинги Свами (1823–1874), творивших в духе канонов средневекового бхакти. Прямыми или опосредованными производными от средневековой традиции стали богатый легендарно-мифологический материал, мистическая поэзия сиддхов, религиозно-философская школа шайва-сиддханты.

Поэзия бхакти во многом специфична. В литературоведческом отношении ее можно определить как переходную ступень от фольклора к собственно литературе. С фольклором ее сближает прежде всего устное бытование (на ранней стадии): она и предназначалась для устного исполнения, что в значительной степени обусловило характер и стиль многих гимнов. Но при этом поэзия бхакти отличается от фольклора многими признаками, прежде всего, авторской атрибуцией большинства произведений, высокой концентрацией эмоциональной лексики, а также указаниями на место и время их создания. Но и от индивидуально-развитой поэзии она отличается главным образом многочисленными легендарными и сказочными элементами, а также вариативностью текстов при высоком проценте повторяющихся элементов. Таким образом, поэтические творения бхактов, особенно раннего периода, были текстами особого типа или статуса, который сочетался с особым статусом автора.

Этот статус определялся ритуальной функцией поэзии, определившей ее содержание. В них повторяются стандартные, клишированные восхваления богов и просьбы адептов, настойчиво призывающие богов явиться им, дать благостную возможность увидеть их, постичь и слиться с ними в акте мистической любви. На взгляд современного западного читателя гимны бхактов кажутся утомительно монотонными и тематически однообразными. Но они не должны быть другими. Дело в том, что творчество бхактов осознавалось ими самими и сейчас осознается как одна из форм служения богу, имеющая мало общего с творчеством профессионального литератора. Репитация гимнов поэтов, считающихся святыми, до сих пор расценивается в Южной Индии как часть ритуала или даже как самостоятельный ритуал.

Представляется, что специфика поэзии бхакти может быть адекватно интерпретирована с этнорелигиоведческой позиции. Прежде всего она ставит перед исследователем проблему психологического понятия религиозного опыта, восходящего к У. Джеймсу, который последовательно отстаивал приоритет этого опыта, причем даже индивидуального, перед институционализированной религией [Джеймс 1993]. В отечественном религиоведении указанная проблема успешно разрабатывалась петербургским ученым Е.А. Торчиновым на обширном и разнообразном материале [Торчинов 1997]. По его мнению, именно религиозный опыт является фундаментальной основой феномена религии как такового и ее первоэлементом. Внутреннюю же суть религиозного опыта составляют явления, связанные с достижением измененных состояний сознания, точнее, их переживанием адептом той или иной религии [Там же: 26-28].

В поэзии бхакти обнаруживаются примеры самых разных вариантов подобных состояний сознания, уводящих нас в область бессознательного. Вот одно из описаний трансперсонального переживания, предполагающего единение или слияние с божеством, взятое из гимнов Маниккавасагара Тирувасагам (там. «Священное речение»), принадлежавшего к кульминации традиции шайва-бхакти:

Когда неизбывная любовь [к Шиве] кости мои размягчила, я вскричал —
И громче бушующего моря был голос мой; я взвился;
В смятенье пребывая, на землю бросившись и корчась, я стонал
Как сумасшедший, обезумел, неистовствовал, как одержимый,
Так что видевшие это испугались, а слышавшие изумлялись.
Как слон, который, обезумев во время течки, сбрасывает с себя седока,
Не знал я удержу! Казалось, все части тела моего сладчайшим медом он
наполнил.
[Manikkavasagar Suvamigal 1955].

Как известно, в разных культурах по-разному виделись характер и способы установления границы между сознанием и бессознательным. Для индуизма они пока еще четко не определены, и исследование поэзии бхакти в этом ключе может оказаться перспективным. Представляется целесообразным проводить его по двум линиям: психологической и философской. Возможно, здесь окажутся продуктивными методы трансперсональной психологии, которая обращается к анализу переживаний, не обязательно восходящих к опыту данного индивида. Подобные переживания могут возникать как результат специальных психотехник, как результат приема психоделиков, а возможно, появляться и спонтанно. На основе поэзии бхакти можно выявить тип трансперсонального опыта, базового для индуизма, а также степень его интенсивности и способы функционирования в этой религии.

Следующим шагом в указанном направлении может быть реконструкция ритуалов, связанных с психологическим ядром индуизма и направленных на вызывание трансперсональных переживаний. Здесь особенно интересным представляется содержание символического аппарата ритуала и то, каким образом символы в ритуале «работают» для создания определенного состояния сознания на разных уровнях психики.

Проблема измененных состояний сознания в свою очередь тесно связана с рядом других проблем, в частности, с проблемой своеобразного отражения индийской мифологии в поэзии бхакти. По Юнгу, бессознательная надындивидуальная психическая деятельность представляет собой «коллективное бессознательное». Оно состоит из элементов, сходных с мифологическими мотивами и образами, поскольку мифы признаны непосредственным проявлением бессознательного [Юнг 1991]. Этот «срез» анализа гимнов может способствовать определению особенностей в способах построения образов божеств, к которым обращаются бхакты, а в конечном итоге — выявлению религиозно-философских и культурно-исторических коннотаций в индийской мифологии [Найдыш 2004: 52].

Наконец, еще одна этнорелигиоведческая проблема, которая может быть рассмотрена на основе поэзии бхакти — паломничество, очень важное для индуизма с его усиленным вниманием к пространственному измерению

религии, *деша-дхарме*. Основная масса адептов именно паломничество считает самым доступным способом обретения религиозных заслуг, а также телесного и духовного приближения к Богу. Несомненна связь поэзии бхакти с реальными формами религиозной практики, привязанными к конкретным локасам — священным центрам и маршрутам паломничества в дравидоязычном ареале: в гимнах бхактов приводятся множество их названий. В свою очередь тема паломничества подводит к особенностям понимания пространства мифопоэтическим сознанием (установка на самораскрытие пространства, сотрудничество с ним и т.п.) и шире — к особенностям хронотопа в индуизме.

Таковы некоторые возможные перспективы изучения поэзии бхакти с позиций этнорелигиоведения.

Библиография

- Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
Найдыш В.М. Философия мифологии. М., 2004.
Пятигорский А.М. Материалы по истории индийской философии. М., 1962.
Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб., 1997.
Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
Manikkavasagar Suvamigal. Tiruvagasam mulamum iraium. Chennai, 1955.
Pantarattar V.T. Tamililakkiya varalaru. Annamalai, 1955.
Purnalingam Pillai. A Primer of Tamil Literature. Madras, 1904/
Zvelebil K.V. The Beginning of Bhakti in South India // Temenos. 1977. Vol. 13.

Ю.Е. Березкин

ЕВРАЗИЙСКИЕ АРЕАЛЫ КОСМОНИМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЛЕЯДЫ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 07-06-00441а), ИНТАС (грант 05-10000008-7922) и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В культурах Евразии за пределами тропической зоны основное внимание уделялось шести объектам ночного неба. Это луна с пятнами на ее диске, Венера в ипостасях Утренней и Вечерней звезды, Млечный Путь, Большая Медведица, Плеяды, Пояс Ориона. С оговорками сюда можно добавить Полярную звезду. Другие планеты, звезды и созвездия выделялись в одних культурах и игнорировались в других. Хотя известных космонимов множество, большая их часть либо зафиксирована локально и единично, либо является вариантами нескольких преобладающих образов. Широта